Нориэль был совсем не удивлён тому, что мог спокойно войти в дом Старейшины. Аномалия, которая не давала даже толком приблизиться к дому мужчины, словно и не существовала. Мальчика буквально приглашали, что распаляло в нём совсем новые, доселе невиданные эмоции. По воле Талориэля маленький эльф в самые рекордные (в сравнении с жизнью Нориэля, а не простого человека) сроки познал столько эмоций, сколько не испытывал никогда.

И эти эмоции были болью, самым настоящим отчаянием и, как ни странно, злостью. Ничем не прикрытой, абсолютно искренней и концентрированной.

Нориэль спокойно вошёл в дом старейшего из жителей Леса, увидев уже ожидавшего его ленивого мужчину. Он сидел на небольшом деревянном стуле, покуривая свою излюбленную трубку с травами. Талориэль совершенно никак не изменился, словно с момента их встречи прошли не десятилетия, а максимум час.

— Ты начал расти, — улыбнулся мягко мужчина. — Я рад, что ты смог найти своё призвание, Нориэль. Столь многогранное и пре…

— Вы могли помочь нам выбраться, — перебил мужчину тихо Нориэль, не поднимая на него взгляда. — Д-даже не нам… П-просто Айше, вы могли…

Мужчина покачал головой, лениво затянувшись трубкой. Дым, который он выпустил на мальчика, естественно, не долетел до него: духов вокруг ребёнка, кажется, стало ещё больше. Взгляд Старейшины стал чуть строже и острее.

— За пределами Леса её не ждало ничего хорошего, Нориэль. И тебя не ждёт. Жизнь смертных коротка, и ты это должен был зна…

— Почему вы не пришли попрощаться? — вновь перебил Старейшину мальчик, подняв на него взгляд.

В его груди вновь запульсировала странная, пока непонятная, но такая родная сила. Талориэль всё ещё казался Нориэлю гигантским, непреступным деревом, всеобъемлющим и всемогущим, но теперь…

Теперь мальчику казалось, что существо перед ним не такое уж и всемогущее. Шестое чувство шептало ему об этом, говорило, что теперь, когда он смог прикоснуться к собственному чуду, рано или поздно даже самое высокое и могучее дерево может оказаться попросту спиленным.

И Старейшина видел то, что чувствовал ребёнок перед ним.

— Это чувство обманчиво, Нориэль, — покачал головой Талориэль. — Если эта маленькая искорка силы так опьянила твоё сознание, то ты никогда не покинешь Лес.

Талориэль выпустил ещё одно колечко дыма в мальчика, и духи уже хотели его, как обычно, развеять, однако…

Нориэль с удивлением понял, что дым его поглотил. Перед глазами предстала серая всепоглощающая пелена, пол под ногами исчез и Нориэлю на секунду показалось, что он начал падать в непроглядную, бесконечную серость. Мальчик, едва справившись с шоком, закашлялся, чувствуя, что дым начал, словно живой, проходить в его лёгкие. Духи, вечно кружившие вокруг него, словно исчезли. Возникло такое чувство, словно они никогда и не существовали. Лишь плод фантазии маленького мальчика, который начинает расти и

понимать, что правда, а что — ложь.

Самым ужасающим было то, что духи были отнюдь не плодом фантазии.

В следующий миг дым исчез, словно его и не было. Чувства вернулись к застывшему Нориэлю, духи вновь, с новой силой закружили вокруг него, начав проверять, всё ли хорошо с их другом.

— Ты понимаешь? — мягко спросил Талориэль, смотря в яркие голубые глаза Нориэля.

Парень, протяжно вздохнув, плюхнулся на пол. Весь боевой настрой он потерял очень и очень быстро.

— Я рад, — не стал ждать ответа младшего сородича Старейшина, сделав ещё одну затяжку из трубки.

Нориэль, подняв взгляд на потолок, неожиданно улыбнулся. Его черты лица, кажется, слегка заострились.

— Присмотритесь, Старейшина. Под вами.

Талориэль, лениво приподняв бровь, опустил голову.

Тяжело ли заставить удивиться древнее существо? Определённо. Того, кто прожил бесчисленное количество лет, можно удивить лишь чем-то, что выбивается из его представления о мире. Тот же, кто прожил сотни, если не тысячи и тысячи лет, явно будет иметь более полное представление о мире, чем совсем молодой, толком и не видевший жизни, эльф.

Или так может показаться.

Под ногами, сквозь толстое дерево, вырос фиолетовый цветок. Небольшое растение не пробивало себе путь сквозь толщи корней, а будто бы получило от них приглашение. Корни и дерево сами расступились, позволив цветку появиться на свет.

— Как?

Нейтральный, абсолютно спокойный, но принёсший Нориэлю чувство победы вопрос заставил маленького эльфа довольно улыбнуться.

— Вы слишком отвлеклись на мои эмоции, Старейшина, и не подумали о том, что я буду контролировать себя. Не только нам нужна иногда «встряска», но и вам. Вы всё ещё не приняли то, что я уже не совсем дитя. Все мы.

Мальчик опустил взгляд на свои руки. Он видел, что его пальцы немного вытянулись, стали изящнее. Процесс взросления будет далеко не мгновенным, но начало было положено. И, собственно, и сам Талориэль это понимал.

В конце концов, за весь разговор, пусть он и был коротким, мужчина с неприлично длинными волосами, которыми было устелен весь дом, ни разу не назвал мальчика «ростком».

Талориэль, продолжая рассматривать цветок, ненадолго прикрыл глаза.

— Чудо той девочки было другим.

— У Айши было цветочное чудо. У меня же, кажется, чудо природы, — пожал плечами Нориэль. У него не было времени на то, чтобы подробно во всём разобраться. Про какого-нибудь учителя и речи не шло. — Было бы странно, Старейшина, если бы это было что-то другое, вы так не думаете?

Вопрос был риторическим. Ещё бы у перерождённого духа природы было «чудо огня» или какое-нибудь «чудо превращения в гигантского человекоподобного робота». Не то чтобы второй вариант плох, но звучит немного нереалистично. В какой-то степени, ребёнок вернулся и не вернулся к истоку одновременно, вновь начав учиться управлять силами природы. Другое дело, что сила духов и сила Нориэля не были одним и тем же — мальчик мог это сказать с полной уверенностью.

До перерождения, в бытности духом, он словно был воплощением природы. Существо, которое могло управлять ограничено чем-то также, как простой человек управляет рукой.

Теперь же этой «рукой» стала внутренняя теплота, искорка, через которую пареньку нужно было транслировать свою волю миру.

Нориэлю лишь ещё предстоит узнать потенциал того, что бесповоротно поглотило его душу.

— Чудо, да… — пробормотал Старейшина. — Я не пришёл попрощаться, Нориэль, потому что не посчитал это нужным. Мне не нужна другая причина.

Перед глазами мальчика промелькнул образ Айши. Он сжал кулаки. Его глаза загорелись огнём.

— Я хочу покинуть Лес. Пожалуйста, когда придёт буря, не мешайте мне.

И вновь Талориэль над чем-то задумался. Не стоило уточнять, что он продолжал, словно какую-то диковинку, рассматривать вторгнувшийся в его дом цветок.

Откуда он вырос? Как? Воплотился ли он из ничего, или природа, подпитываемая настоящим чудом, подстроилась под желания чудотворца?

— Внешний мир безумно опасен, — оторвал взгляд от цветка мужчина, вновь встретившись взглядом с Нориэлем. — Девочка тебе не рассказывала об этом?

— Я знаю. Айша говорила, что есть много ужасных людей.

— Или думаешь, что знаешь, — ухмыльнулся неожиданно широко, жёстко мужчина. — Буря, которая приходит в наш Лес, не обычная. «Сопряжение Планов», Нориэль. Не только наш Лес вошёл в контакт с тем, другим миром, но и бесчисленное количество других, самых ужасных измерений. Вполне возможно, что от дома человеческой девочки давно ничего не осталось. Возможно, что вся её раса уже мертва, как и её мир.

Сердце Нориэля пропустило удар. Духи рядом с ним застыли.

Пусть мальчик молчал и недолго, любой бы мог сказать, что он размышлял над словами Старейшины целую вечность.

— Так будет даже интереснее, — неожиданно ярко улыбнулся Нориэль. — Я бы быстро заскучал, если бы в том мире всё было хорошо.

Улыбка пропала с лица Талориэля. Кажется, за один короткий разговор его смогли удивить дважды. В какой-то степени, это было большим достижением.

— Так тому и быть. Я не стану препятствовать твоему уходу, — абсолютно легко, словно так и должно быть, дал добро мужчина, сделав очередную затяжку. Дым вновь не долетел до Нориэля, развеявшись. — Но не вини меня, когда твою погрязшую в наивных мечтах душу будет раздирать тварь из глубин нижних миров, мальчишка. Знай, что я не смогу тебе помочь. Можешь идти, мой дом отныне для тебя закрыт.

— Я не настолько наивен, чтобы надеяться на вашу помощь, — развернулся на выход мальчик. — Вы уже преподали мне урок и показали, что нельзя доверять даже тому, кого ты уважаешь всей своей сущностью. Я благодарен вам, и я ненавижу вас.

Талориэль проводил взглядом мальчика, понимая, что это, возможно, их последняя встреча.

Стоило Нориэлю уйти на достаточное расстояние, как дерево мужчины вновь превратилось в непроходимую аномалию. Сам же старейший эльф, недолго посидев в одиночестве, вновь опустил взгляд на фиолетовый цветок.

— Я сохраню это чудо. Когда дух человеческой девочки переродится, я обязательно его ей покажу.

Она, вероятнее всего, не вспомнит то, кем была, но, по крайней мере, узнает цветок.

Старейшина встал, отложив курительную трубку.

Пространство мигнуло и в его руке оказалась флейта из дерева. Мужчина с аномально длинными светлыми волосами вновь присел на стул, попытавшись заиграть на флейте. Пока ещё совсем неряшливо, неумело, но…

Уже совсем скоро он заиграет так, чтобы передать эту мелодию будущему сородичу.

Или не скоро, но обязательно заиграет.

В конце концов, его обязанность, как Старейшины, была в том, чтобы позаботиться о каждом ростке. Независимо от их мечтаний и желаний.

http://tl.rulate.ru/book/94178/3182588